

Проблема выражения субъекта в языке, описанная в философии Винсента Декомба

Problem of expression of the subject in language, describing in the Vincent Descombes's philosophy

Кудрин С.К.

Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет; магистрант направления «47.04.01 Философия»

e-mail: ward_93@mail.ru

Kudrin S.K.

Perm State National Research University; Graduate student of direction «47.04.01 Philosophy»

e-mail: ward_93@mail.ru

Аннотация

В настоящей статье анализируется проблема выражения субъекта в языке, описанная в философии Винсента Декомба. Отмечается привычность и обыденность проявления субъекта в первом лице, при этом утверждается и аргументируется некорректность такого его выражения. Полагается возможность адекватного высказывания только в третьем лице и приводится доказательная база этому положению, одновременно с этим показываются, помимо преимуществ, недостатки подхода Декомба к рассматриваемой проблеме. Дается критика, как методологии, так и теории французского мыслителя в их взаимосвязи по отношению к ней. Указывается основное отличие от близких по методу французского мыслителя философов – Шарля Лармора, Христиана Шовире, Стефана Шовье, Сандры Логье.

Ключевые слова: философия субъекта, Винсент Декомб, когнитивная эгология, язык, первое лицо, третье лицо, лингвистическая «прививка».

Abstract

This article analyzes the problem of the expression of a subject in a language described in the philosophy of Vincent Descombes. The familiarity and ordinariness of the manifestation of the subject in the first person is noted, while the incorrectness of such an expression is affirmed and argued. The possibility of an adequate statement is assumed only in the third person and the evidence base for this provision is given; at the same time, besides the advantages, Descombes's approach to the problem is shown. The critique of both the methodology and the theory of the French thinker in their relationship to it is given. It indicates the main difference from philosophers who are close to the method of the French philosopher, Charles Larmore, Christian Chauvier, Stefan Chauvier, Sandra Logier.

Keywords: philosophy of subject; Vincent Descombes; cognitive egology; language; first person; third person; linguistic «vaccination».

Ситуация начала XXI в. на Западе в духовном плане может быть охарактеризована как кризисная. Кризису подвержены все сферы духа: личностная идентичность, целостность субъекта, даже самосознание. Западные философы пытаются понять, в чем же состоит духовный кризис современности, и благодаря этому пониманию начать выходить из него.

Современный отечественный мыслитель С.В. Комаров пишет по этому поводу: «XX век породил такие изменения в социальной структуре общества и деятельности, которые ведут к невиданному размаху субъективизма. Речь идет о том, что в современных условиях существующие социальные отношения и современные технологии требуют от человека лабильности, многоролевого и многофункционального социального поведения. Формирование этих практик социального поведения приводит к возникновению "разорванности" сознания индивида, а именно – к множеству рациональных внутри

себя, но не связанных друг с другом, "миров", "универсумов" сознания, "картин мира". Эти разные миры сознания прагматически вполне соответствуют различным ролевым практикам и имеют свое рациональное обоснование и свою идеологию. Но вся проблема в том, что они относятся к отдельному индивиду и его поведению. "Мозаичность", "файловость" сознания индивида, затребованная современной социальной действительностью, оборачивается отсутствием целостного представления человека о самом себе» [1, с. 10].

Эта проблема является общей, которая состоит из частных. Одной из таких более частных проблем в кругу общих (в текущей статье – это проблема субъекта) является проблема выражения субъекта в языке. В настоящей статье она рассматривается в рамках философии Винсента Декомба, в особенности же его трактата «Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица» (2004 г., перевод на русский язык – 2011 г.) [2] (историю возникновения этого сочинения см. более подробно [3]).

Данное произведение примечательно тем, что Декомб в нём по-новому подходит к этой проблеме, используя **грамматический метод**, предложенный Людвигом Витгенштейном [4], заимствуя идею **субъекта как дополнения агенса** у лингвиста Люсьена Теньера [5], и за счет этого вычленяет некоторые недостатки иных подходов, не сумев при этом избежать собственных (что будет показано ближе к концу статьи). Вот как описывает подход Декомба ныне живущий российский философ И.В. Дуденкова. Рассуждения Декомба представляют «...последовательную работу по прояснению языка и, главным образом, значения психологических глаголов. Слова исследуются в контексте, их смысл проясняется при первом же погружении в конструкцию фразы. Затем контекст расширяется и принимается во внимание языковая игра, конкретные социальные практики, поддерживающие словоупотребление, далее, по мере дальнейшего расширения контекста, объектом анализа становится форма жизни по поводу практики игры языка» [6].

Прежде чем преступить к самой проблеме, стоит совершить краткое введение в нее, продемонстрировав способ как кого-либо можно промаркировать в качестве субъекта.

Как можно пометить кого-то как субъекта? Не существует иного варианта сделать это, кроме как через естественный язык (ибо субъектом может быть только человек, но не всякий человек может быть субъектом). Естественный язык в данном случае является посредником между миром и человеком. Он помогает обрести конкретному homo sapiens идентификацию и отделить одного субъекта от другого. Но как именно этот язык проявляет себя? Он проявляет себя через речь, с помощью которой субъект выговаривает себя. Грамматически обычно для этого употребляется местоимение первого лица единственного числа – «Я». Но насколько корректно данное употребление его? Можно ли понять, кто именно был субъектом, если идет речь о первом лице единственного числа?

Все множество доктрин, которые касаются «себя самого» и содержат философский концепт субъекта в самом факте высказывания от первого лица, Декомб называет **«когнитивной эгологией»**. Эгология, или иначе «доктрина себя», когнитивна в том смысле, что утверждает возможность иметь знание о себе самом как о субъекте, лежащее в основе употребления первого лица. Субъект в рамках «когнитивной эгологии» задан для самого себя так, что он может использовать слово «Я», и именно из референтивного значения этого слова сможет извлечь описание феномена существования для самого себя [2, с. 125-126]. Предмет эгологии – объяснение того, откуда я знаю, что я это я (она дает на него множество ответов). Ее представители в истории философии – Рене Декарт [7], Жан-Поль Сартр [8], Мартин Хайдеггер [9] и др. Декомб связывает популярность и распространенность когнитивной эгологии с некритическим использованием понятий и концептуальной путаницей в философских учениях.

Французский мыслитель, приводя дескрипцию этого множества доктрин, критикует их. В третьей главе «Дополнения к субъекту» Декомб, по его собственным словам, «разбирает отношения с собой, которые выражаются в акте указания на самого себя. Этот акт носит характер возвратности, для того, кто совершил действие и это можно осмыслить, только если факт произнесения слова "Я" позволяет говорящему "позиционировать себя в качестве субъекта", отличного от такого индивида, которым его видят другие. Развитие этой интерпретации первого лица порождает философию сознания» [2, с. 18-19], которая входит в когнитивную эгологию как часть ее. По мнению Декомба, эту философию сознания Людвиг Витгенштейн окончательно разбил своей аргументацией. В ответ она не нашла ничего лучше,

чем просто проигнорировать эту аргументацию и существовать дальше, как будто ничего и не случилось.

Декомб, описав что такое эгология и определив ее предмет, утверждает, что она имеет два основных тезиса, на которых строится:

1) функция «Я» во фразе референтивна;

2) необходимость феномена самого себя или передачи самого себя себе именно в качестве себя и в виде себя для того, чтобы имелась возможность соотношения слова «Я» с употребившим это слово.

Эти тезисы, с позиций Декомба, ложны, ибо первый тезис отсылает к референту в первом лице, который невозможно установить, потому что на уровне высказывания от него неясно кто есть субъект, это становится явным только в действии. Если же все производится попытка определить субъекта в высказывании от первого лица, то это «Я» имеет неопределенную и размытую дефиницию, непонятную для других, ибо оно, как минимум, не позволяет в пределах его самого противопоставить реально сделанное агенсом и намерение, которое было у него (например, см. [2, с. 31]).

Второй же тезис также пытается рассматривать «Я» в отрыве от действия, а также и в отрыве от других, благодаря которому само это «Я» возникает. Кроме того, к нему относится та же критика, что и к первому тезису, о неоднозначности и туманности этого самого «Я». Все выше обозначенное указывает на ложность его.

Тем самым, можно сделать вывод, что когнитивная эгология, построенная на двух ложных тезисах, сама является ложной. Французский исследователь утверждает невозможность однозначно идентифицировать субъекта в языке от первого лица, ибо тот, как уже ранее было выявлено, проявляет себя в действии. Если же при возникновении вопроса: «Кто совершил это действие» предлагается ответ: «Я», то незамедлительно возникает следующий вопрос: «Кто это я?», и тут все попытки однозначно определить субъект заканчиваются неудачно – уходом в так называемую дурную бесконечность.

Вкратце осветив отношение Декомба к эгологии, стоит уточнить, что подробная критика этого множества доктрин не является целью данного исследования (более подробно по настоящему поводу см. трактат В. Декомба «Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица», главу III «Когнитивная эгология» [2, С. 129-207]), а служит лишь средством, дабы показать во всей полноте проблему субъекта в высказывании у французского мыслителя.

В. Декомб, вследствие уже доказанной невозможности установить субъекта от первого лица, различает понятия «Я» и «субъект». Я не является субъектом, как и субъект не является Я. Сам Декомб считает, что нужно различать и иные понятия, помимо субъекта и Я, связанные с самосознанием: «субъективность», «самость», «эго», «себя», так как эти понятия отсылают к разным референтам, имеют различные значения. Декомб в своем тексте подводит итог этому различению так. Одним из результатов его работы «станет констатация невозможности объединить в едином концепте все употребления слов «субъект», «субъективный», «самость», «эго», «я», «себя» и так далее – слов, которые философы используют, говоря о самосознании» [2, с. 13].

Таким образом, подробно проанализировав различные варианты, французский мыслитель приходит к выводу, что субъект можно определить лишь в третьем лице и только ретроспективно. Иные же варианты (высказывания от первого лица, проспективный вариант определения субъекта) ведут к неизбежным сложностям, а, в конце концов, к ошибкам, так как не позволяют однозначно выделить субъект. В первом случае это происходит за счет двусмысленной и неточной формулировки при его установлении, а во втором – из-за вмешательства в будущем времени интенций агенса, которые необходимо будет разграничивать с реальным действием, которое совершит он в грядущем.

Описав подход французского философа к проблеме выражения субъекта в языке и его преимущества, стоит отметить и недостатки его. Вначале нужно подчеркнуть общие слабости в видении языка Декомбом.

Основная слабость французского мыслителя в его взгляде на язык есть то, что он для Декомба универсален и прозрачен, каковым в действительности не является. Французский философ не учитывает историко-социальный фактор, что язык, как и субъект, выражающий свою речь в нем, формируется в конкретно-историческом обществе, имеющем свои мировоззренческие представления, то есть являются исторически и социально обусловленными. Говоря словами Бориса Гройса, Декомб не понимает, что при капитализме язык – это такой же товар [10, с. 9], как и все остальное. Шарль Лармор также

критикует его за это, считая, что грамматический метод, которым пользуется Декомб, имеет изъяны, так как не учитывает изначальную теоретическую нагруженность языка [6]. Помимо прочего, Декомб не разводит язык как часть реальности и метаязык (концептуальный язык), что приводит к тому, что он сам начинает запутываться в концептуальном клубке, который развязал, и смешивать понятия. За счет этого, как указывает И.В. Дуденкова: «Статус обыденного языка остается слепым пятном в теории Декомба» [6].

Теперь надо обозреть непосредственно изъяны в концепции Декомба по выражению субъекта в языке. Они тесно переплетены со слабостями в общей концепции языка Декомба.

В целом, можно отметить, что концепция выражения субъекта в языке французского мыслителя для современной философии актуальна и значима. Она содержит малое количество недостатков, однако все же они имеются. Среди них можно условно выделить (для удобства анализа) две группы несовершенств по этой проблеме, связанных между собой (которые в действительности не существуют друг без друга и соединены диалектической взаимосвязью):

- 1) слабости методологии;
- 2) слабости теории;

Слабости методологии – это недостатки самого грамматического метода. К недостаткам методологии в данной проблеме можно отнести, помимо уже найденных слабостей в общей концепции языка французского мыслителя то, что сам грамматический метод претендует на универсальность, но не является таковым. В данном случае он применяется только по отношению к психологическим глаголам. В добавление к этому, стоит отметить то, что Декомб не развивает дальше грамматический метод (он просто использует его к концептуальному языку по отношению к конкретным проблемам).

Слабости теории – это недостатки содержания концепции Декомба в связи с проблемой выражения субъекта в языке. Среди недостатков теории нужно подчеркнуть низкую степень направленности ее на реальность, в том смысле, что хотя Декомб и говорит о философии практического действия, она у него, до некоторой степени, растворяется в языке, а не в нем проявляется (язык, в итоге, является замкнутой на себе действительностью, а не средством), а также невозможность с помощью нее показать реальную автономию субъекта [6]. Все они, тем не менее, не портят в такой мере целостность картины выражения субъекта в языке у Декомба, чтобы можно было, например, не воспринять, с оговорками, основные положения этой теории или же полностью отбросить ее как ложную.

Подводя итог, стоит обозначить, что французский философ, несмотря на то, что не сумел избежать, как и было отражено выше, определенных изъянов, внес своей попыткой весомый вклад в заданную тему. При помощи грамматического метода он показал новую оптику видения анализируемой проблемы, позволив продвинуть ее решение вперед, хоть в этом плане он не являлся единственным и неповторимым (помимо него этот подход использовали уже упомянутый Шарль Лармор, Христиан Шовире, Стефан Шовье, Сандра Логье [6]). Но Декомб был одним из первых, однако, получив иные, чем остальные философы, результаты – в чем и проявилось его основное отличие от них (это отличие весомо и может послужить темой отдельной статьи).

Литература

1. *Комаров С.В.* Метафизика и феноменология субъективности. Исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания.— СПб., «Алетейя», 2007. –736 с.
2. *Винсент Декомб* Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица.— М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
3. Fouré, Lionel «Entretien avec Vincent Descombes», *Le philosophoire*, 2005/2 n° 25, p. 7-20.
4. *Витгенштейн Л.* Заметки по философии психологии. Том 1.— М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 192 с.
5. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. / Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. — М: Прогресс, 1988. – 656 с.
6. *Дуденкова И.В.* Грамматика субъективности и отсутствие субъекта. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/du32.html> (дата доступа: 13.09.2018 г.)

7. Рене Декарт Сочинения. В 2 т. Т.2 (Серия «Философское наследие»). — М.: Мысль, 1989-1994.
8. Жан-Поль Сартр Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии — М.: АСТ, 2017. — 928 с.
9. Мартин Хайдеггер Бытие и время — М.: Академический проект, 2015. — 452 с.
10. Гройс Б.Е. Коммунистический постскриптум — М.: Ad Marginem, 2007. — 128 с.